

СДЕЛКА С ДЬЯВОЛОМ

СЕСИЛИЯ СУАРЕЗ

18+

Сесилия Суарез

Сделка с дьяволом

<https://litres.ru/73856358>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она поцеловала его сама.

Вкус вина на его губах, тепло его дыхания, лёгкая щетина, царапающая подбородок. Анжела запустила пальцы в его волосы, притягивая ближе, и мир сузился до этой кухни, до этого мужчины, до этого момента.

Он ответил мгновенно — жадно, глубоко, прижимая её к барной стойке. Она почувствовала, как его пальцы скользнули под свитер, коснулись голой кожи — и по позвоночнику пробежала дрожь, отозвавшаяся где-то внизу живота.

А потом она услышала звук.

Лязг шин по гравию. Резкий, агрессивный, чужеродный.

Артур оторвался от неё за долю секунды до того, как ночь взорвалась.

Фиктивный брак. Мой «муж» — акула криминального мира, человек, для которого закон лишь инструмент. Он привык побеждать в суде и в постели. Но он не учёл одного: я тоже умею играть без правил, и мой любимый аргумент — чугунная сковорода.

Содержание

Глава 1. Пончик как взятка	4
Глава 2. Пункт 4.2: «Внешний вид должен соответствовать статусу»	12
Глава 3. Размер имеет значение	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сесилия Суарез

Сделка с дьяволом

Глава 1. Пончик как взятка

Лифт в башне «Федерация» поднимался слишком медленно. Анжела переминалась с ноги на ногу в тесной кабине, прижимая к груди термосумку с логотипом «Доставка №1». Внутри остывали два стаканчика лавандового рафа и коробка с дюжиной пончиков в розовой глазури. Заказ для какой-то юридической конторы с пометкой «СРОЧНО, ОЧЕНЬ ЖДЁМ». Чаевые обещали хорошие, а Анжеле позарез нужно было заплатить за съёмную квартиру до конца недели.

На двадцать четвёртом этаже двери разъехались с мелодичным звоном. Анжела шагнула в коридор, выложенный серым мрамором, и сразу поняла — что-то не так. Слишком тихо. Слишком пусто. Никаких табличек с номерами офисов, только панорамные окна во всю стену и приглушённый свет.

— Чёрт, кажется, не тот этаж, — пробормотала она, разворачиваясь обратно к лифту, но тут замерла.

За стеклянной перегородкой, отделявшей коридор от просторного холла, стояли двое. Одного она узнала сразу — су-

дья Воронин, чьё лицо не слезало с новостных каналов последние три недели из-за громкого процесса над наркокартелем. Второй был незнаком. Высокий, широкоплечий, в идеально сидящем тёмно-сером костюме без галстука. Чёрные волосы с проседью на висках зачесаны назад, открывая левое лицо с острыми скулами. Он стоял к ней вполоборота, но даже так Анжела ощутила исходящую от него волну опасности — такую плотную, что воздух в коридоре сгустился.

Судья Воронин нервно оглянулся и взял из рук незнакомца толстый жёлтый конверт. Сунул его во внутренний карман пальто и быстрым шагом направился к дальнему выходу.

Анжела присохла к полу. Мозг лихорадочно прокручивал варианты: притвориться статуей? Спрятаться за кадкой с фикусом? Просто закрыть глаза и представить, что её здесь нет?

Она выбрала четвёртый вариант — медленно, на цыпочках, попятиться к лифту. Кроссовки бесшумно ступали по мрамору. Три шага. Пять. Почти получилось.

А потом сумка с термосом предательски звякнула карабином о мраморную стену.

Незнакомец повернул голову. Движение было плавным, почти ленивым, но взгляд светло-серых глаз впился в неё с точностью лазерного прицела. Анжела почувствовала, как по спине побежали мурашки размером с горошину.

— Вот дерьмо, — выдохнула она и рванула к лифту.

Бежала она отвратительно. Сумка била по бёдрам, волосы выбились из пучка, а кроссовки скользили по полированно-

му полу. Сзади раздались тяжёлые шаги — не одного человека, а минимум двоих. Анжела даже не успела добежать до спасительных дверей лифта, как её перехватили.

Двое верзил в одинаковых чёрных костюмах выросли будто из-под земли. Один заломил ей руки за спину — не больно, но крепко, как стальным обручем. Второй перекрыл путь к лифту. Анжела дёрнулась, лягнула одного по голени, но тот даже не поморщился.

— Эй! У меня заказ на двадцать седьмой! Люди ждут кофе! — возмутилась она, пытаясь вывернуться. — Вы вообще знаете, сколько стоит лавандовый раф в этом городе?

Верзилы молчали. Зато шаги позади стихли. Анжела услышала, как открылись двери лифта, а затем низкий, обволакивающий голос произнёс:

— Отпустите.

Руки мгновенно освободили. Анжела пошатнулась, поправила сумку и обернулась.

Он стоял в дверях лифта, засунув одну руку в карман брюк. Вблизи он оказался ещё более пугающим. Глаза цвета грозового неба, тонкий шрам на левой скуле, который только добавлял ему хищной привлекательности. От него пахло дорогим табаком и чем-то древесным — запах власти и денег.

— Заходи, — сказал он, кивнув внутрь кабины.

Анжела перевела взгляд на верзил. Те стояли по стойке смирно, глядя куда-то в потолок.

— А они? — пискнула она.

— А они пойдут пешком. Лестница полезна для здоровья.

Он произнёс это с такой убийственной серьёзностью, что Анжела невольно хмыкнула. Страх начал понемногу отступать, уступая место какому-то истерическому веселью. Она вошла в лифт. Двери закрылись, отрезая их от внешнего мира.

Кабина поплыла вниз. Анжела прижалась спиной к зеркальной стене, сжимая сумку как щит. Незнакомец стоял напротив, загораживая собой панель с кнопками. Он не двигался, просто смотрел — изучающе, с лёгкой усмешкой в уголках губ.

— Что ты видела? — спросил он тихо. Так тихо, что пришлось напрячь слух.

Анжела моргнула. В голове щёлкнул тумблер «режим выживания». Она растянула губы в самой глупой улыбке, на которую была способна, и захлопала ресницами.

— Видела? Ой, вы про того дяденьку в пальто? Я вообще плохо вижу без линз, а сегодня как раз забыла их надеть. Всё как в тумане. Думала, это уборщик. У вас тут очень чисто, кстати. Прямо блестит всё.

Он приподнял одну бровь.

— Конверт, — сказал он. — Жёлтый. Ты смотрела прямо на него.

— Конверт? А, этот! Я думала, вы ему рецепт на лекарство передаёте. У него лицо такое... нездоровое. Бледное. И глаза бегают. Может, давление? Или мигрень? Моя бабуш-

ка, когда у неё мигрень, тоже такие конверты с рецептами носит, только поменьше.

Анжела несла эту чушь с таким искренним выражением лица, что любой нормальный человек уже бы махнул рукой и отпустил её. Но этот явно не был нормальным.

— Ты курьер? — он кивнул на сумку.

— Ага. Вожу радость людям. Правда, сейчас она уже остывшая радость, — она похлопала по термосумке. — Слушайте, может, разойдёмся миром? Я никому ничего не скажу, честное пионерское. Давайте я вам пончик дам? С розовой глазурью. Очень вкусные. Клиент сказал, лучшие в городе.

Он молчал, но взгляд его чуть потеплел — если можно назвать теплом переход от арктического льда к просто холодной воде.

Анжела, восприняв это как зелёный свет, расстегнула сумку и выудила оттуда коробку. Открыла крышку. По кабине поплыл сладкий ванильный запах.

— Вот. Выбирайте любой. Этот с посыпкой, этот с сердечком. Берите, не стесняйтесь. Взятка пончиком — самая надёжная валюта в этом безумном мире.

Она протянула ему коробку, стараясь не дрожать. Пальцы у неё были ледяные, хотя в лифте стояла духота.

Он медленно опустил взгляд на пончики, потом перевел снова на неё. В его глазах мелькнуло что-то похожее на веселье — мимолётное, как вспышка молнии.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Пончик решает любые конфликты. Это научный факт.

Он хмыкнул. А потом сделал то, от чего у Анжелы пересохло во рту. Взял пончик с сердечком, поднёс к губам и откусил кусочек. Медленно. Чувственно. Его челюсть двигалась с ленивой грацией хищника, а взгляд при этом не отрывался от её лица. Розовая глазурь осталась на его нижней губе, и он слизнул её кончиком языка.

Ангела забыла, как дышать.

— Неплохо, — сказал он, дожёвывая. — Но взятка засчитана не будет.

— Почему? — выдохнула она.

— Потому что ты видела достаточно. И теперь у тебя есть два варианта.

Лифт остановился. Двери открылись в подземный паркинг, залитый холодным неоновым светом.

Он шагнул вперёд, сокращая расстояние между ними до опасного минимума. Ангела упёрлась спиной в зеркало, чувствуя, как тепло его тела проникает сквозь тонкую ткань её форменной футболки.

— Первый вариант, — произнёс он, наклоняясь к самому её уху. Голос вибрировал где-то в районе её позвоночника. — Ты выходишь из этого лифта, и через час тебя находят в Москве-реке с пончиком во рту. Метафорически. Или буквально.

Анжела сглотнула.

— А второй?

Он отстранился ровно настолько, чтобы заглянуть ей в глаза. Уголки его губ дрогнули в улыбке, от которой у любой нормальной женщины подкосились бы колени. У Анжелы они подкосились, но она удержалась, вцепившись в сумку.

— Второй вариант интереснее. Ты выходишь за меня замуж.

В лифте повисла звенящая тишина. Где-то вдалеке пискнула сигнализация чьей-то машины.

Анжела уставилась на него, пытаясь понять, шутит ли он. Серые глаза смотрели серьёзно. Слишком серьёзно для человека, только что съевшего розовый пончик.

— Замуж? — переспросила она. — За вас? Я даже имени вашего не знаю.

— Артур Багиров, — представился он с лёгким наклоном головы. — Адвокат. И да, за меня. Фиктивно, разумеется. На время громкого процесса. Мне нужен образ примерно-го семьянина, чтобы присяжные прониклись симпатией. А ты... ты идеально подходишь на роль невесты. Милая, непосредственная, умеешь убедительно врать. И пончики у тебя вкусные.

Он протянул руку и стряхнул крошку с её подбородка. Прикосновение было мимолётным, но кожа вспыхнула, будто он прижёт её сигаретой.

— Так что, — Артур Багиров отступил в паркинг, протягивая ей раскрытую ладонь, — выходишь за меня или предпочитаешь Москву-реку?

Анжела посмотрела на его руку. Широкая ладонь, длинные пальцы, дорогие часы на запястье. Рука человека, который привык брать то, что хочет, и не слышать слова «нет».

Она перевела взгляд на коробку с оставшимися пончиками. На одном из них глазурь треснула, обнажив воздушное тесто. Глупая, нелепая деталь в эпицентре абсурда.

— А медовый месяц будет? — спросила она, и голос почти не дрожал.

Артур улыбнулся — на этот раз по-настоящему, хищно и довольно.

— Будет, девочка моя. Ещё какой.

Она вложила свою ладонь в его. Пальцы Артура сомкнулись вокруг её руки — крепко, властно, окончательно.

Лифт за их спинами закрылся, отрезая путь назад.

В сумке в лифте остывал лавандовый раф, а на двадцать седьмом клиент так и не дождался своих пончиков. Но это уже была не проблема Анжелы.

У неё появилась новая работа. Гораздо более опасная.

И гораздо более захватывающая.

Глава 2. Пункт 4.2: «Внешний вид должен соответствовать статусу»

Кабинет Артура Багирова напоминал операционную — стерильно чистый, залитый холодным светом, с панорамным окном, из которого Москва казалась макетом, собранным чьей-то равнодушной рукой. Анжела сидела в кожаном кресле напротив массивного стола из чёрного дерева и читала договор.

Не пролистывала. Не делала вид, что читает. Именно читала — медленно, шевеля губами на особо сложных юридических формулировках, хмурясь и время от времени возвращаясь на абзац назад.

Артур наблюдал за ней, откинувшись в кресле. Он привык к женщинам, которые подписывали документы не глядя, особенно если в них фигурировали суммы с шестью нулями. Эта же вцепилась в бумаги, как бультерьер в кость.

— Пункт 3.7, — произнесла она, поднимая глаза. Взгляд у неё был не испуганный, а деловой. — Здесь написано: «Сторона-2 обязуется сопровождать Сторону-1 на всех публичных мероприятиях по первому требованию». Что значит «по первому требованию»? Если вы позвоните мне в три часа ночи и скажете, что мы идём на светский раут в «Метрополь», я обязана встать и поехать?

Артур моргнул. Он ожидал вопросов про деньги. Про постель. Про то, «а вдруг вы маньяк». Но не про пункт 3.7.

— Именно это и значит, — ответил он ровно.

— Тогда добавим уточнение: «при условии предварительного уведомления не менее чем за шесть часов». Я не железная. Мне нужно время, чтобы привести себя в порядок.

— Ты торгуешься? — он приподнял бровь.

— Я защищаю свои интересы, — парировала она. — Пункт 5.2: «Сторона-2 не имеет права разглашать информацию о фиктивном характере отношений». А если меня будут пытаться? Ну, гипотетически. Ваши враги, например.

— Если тебя будут пытаться, можешь рассказать всё, — он усмехнулся. — Я всё равно приду за тобой раньше, чем они успеют воспользоваться информацией.

Сказано это было буднично, без пафоса, как само собой разумеющееся. Ангела на секунду замерла, потом снова уткнулась в бумаги, но щёки чуть порозовели.

— Пункт 6.3: «Сторона-2 получает ежемесячное вознаграждение в размере, указанном в Приложении А». Я посмотрела Приложение А. Там сумма. Она... большая. Очень большая.

— Тебя это смущает?

— Меня это настораживает. — Она отложила договор и посмотрела ему прямо в глаза. — Зачем вам это, Артур? На эти деньги можно нанять профессиональную актрису. Или модель. Или вообще кого угодно. Почему я?

Он выдержал её взгляд. В кабинете повисла тишина, нарушаемая только гулом кондиционера.

— Потому что актриса играет роль, — сказал он наконец. — А ты живёшь. Ты не умеешь притворяться так, чтобы это выглядело настоящим. Твоя ложь про пончики была ужасна, но в ней была искренность. Присяжные, журналисты, судьи — они чувствуют фальшь за километр. А тебя они купят.

Анжела молчала, переваривая.

— Мой клиент, — продолжил Артур, — сидит на скамье подсудимых по обвинению в организации шести убийств. Он лично задушил этих людей. Но на процессе он появляется с женой, двумя детьми и золотистым ретривером. Он гладит собаку, целует жену в лоб и плачет, когда прокурор зачитывает обвинение. Присяжные видят семьянина. Они не видят человека, который сворачивал шеи, как куриные.

Он подался вперёд, опираясь локтями на стол.

— Мне нужно, чтобы они видели то же самое во мне. Адвокат — циничная тварь, которая продала душу дьяволу. Так обо мне пишут газеты. Но если у этого адвоката есть невеста, которая смотрит на него с обожанием, всё меняется. Он становится человеком. Мужчиной, которого можно простить.

— И эту роль должна сыграть я.

— Не сыграть. Прожить.

Анжела взяла ручку. Покрутила в пальцах. Потом решительно перевернула последнюю страницу и поставила подпись — аккуратную, с завитком на букве «А».

— Когда начинаем? — спросила она.

Артур взял договор, пробежал глазами по подписи. Что-то в его лице изменилось — едва заметно, будто тень удивления скользнула и исчезла.

— Сегодня. Ужин в «Турандот». Будет пресса.

— Мне нужно платье.

— У тебя будет всё.

Он выдвинул ящик стола и достал чёрную карту. Положил на стол перед ней.

— Безлимитная. Внизу ждёт водитель. Вернись к шести.

Анжела взяла карту двумя пальцами, рассматривая, как музейный экспонат.

— А если я куплю что-то не то?

— Купи всё, что посчитаешь нужным.

Он сказал это с лёгкой небрежностью человека, для которого деньги — просто цифры на экране. Анжела сунула карту в карман джинсов и встала.

— К шести буду, — бросила она и вышла, даже не оглянувшись.

Артур проводил её взглядом. Впервые за долгое время ему стало интересно, что будет дальше.

Совещание с клиентом проходило в том же кабинете часом позже.

Игорь Каменев по кличке «Мясник» сидел напротив, закинув ногу на ногу. Дорогой костюм, аккуратная стрижка, мягкая улыбка. Он выглядел как топ-менеджер нефтяной

компании, а не как человек, чьи руки помнили тепло шести шей.

— Значит, фиктивная невеста? — Каменев усмехнулся. — Хороший ход, Багиров. Бабы смягчают образ. Моя Люська на прошлом заседании рыдала так, что прокурор сам ей платок подал.

— Твоя Люська — профессиональная истеричка, — отрезал Артур, листая документы. — Моя — другое.

— И что же в ней такого особенного?

Артур хотел ответить что-то резкое, но тут его телефон завибрировал. Раз. Второй. Третий. Экран засветился уведомлениями от банка.

Списание: 412 000 руб. Ателье Chapurin. Списание: 147 000 руб. Бутик Laga. Списание: 89 500 руб. Обувь Jimmy Choo. Списание: 234 000 руб. Ювелирный Cartier. Списание: 67 300 руб. Парфюмерия Articoli.

Телефон продолжал жужжать, как разъярённый шмель.

Артур замер, глядя на экран. Каменев заглянул через стол и присвистнул.

— Ни хрена себе. Она там весь ЦУМ скупил, что ли?

— Я сказал: «Купи всё, что считаешь нужным», — процедил Артур, чувствуя, как начинает дёргаться веко.

— Ну, мужик, ты сам виноват, — Каменев расхохотался, хлопая себя по колену. — Бабам нельзя говорить «всё». Они это «всё» воспринимают буквально. Слушай, а она реально как жена себя ведёт. Держись за неё. С характером девка.

Телефон пиликнул снова.

Списание: 128 000 руб. Бельё Agent Provocateur.

Каменев заржал в голос. Артур медленно выдохнул и положил телефон экраном вниз.

— Продолжим, — сказал он ледяным тоном.

Но где-то глубоко внутри, под слоем раздражения, шевельнулось что-то ещё. Любопытство. Азарт. Предвкушение.

Особняк Артура Багирова стоял в сосновом лесу на Рублёвке — современная крепость из стекла и бетона, окружённая трёхметровым забором с камерами по периметру.

Когда чёрный «Мерседес» въехал в ворота, Артур, стоявший у окна гостиной, поперхнулся виски.

Из внедорожника выгружали коробки. Много коробок. Три суровых охранника таскали их, как муравьи, а Анжела стояла посреди двора и командовала:

— Эти — в спальню! Эти — в гардеробную! А эти, с косметикой, — в ванную! И осторожнее с коробкой от Cartier, там стекло!

Артур вышел на крыльцо, скрестив руки на груди. Анжела заметила его и помахала рукой, как ни в чём не бывало.

— Что это? — спросил он, обводя рукой процессию.

— Это мой новый гардероб, — ответила она, сияя. — Вы сами сказали: «Купи всё, что считаешь нужным». Я считала нужным это.

— Я имел в виду одно платье для ужина.

— Пункт 4.2 договора, — она подняла указательный па-

лец. — «Сторона-2 обязуется поддерживать внешний вид, соответствующий статусу Стороны-1». Чтобы соответствовать вашему статусу, мне нужна новая причёска, маникюр, педикюр, домашняя одежда, одежда на выход, духи, косметика, аксессуары и бельё. Никто не поверит, что гениальный адвокат Артур Багиров вспылал страстью к курьеру в трениках с начёсом.

— Ты прочитала договор лучше, чем я его написал.

— Кто-то же должен, — пожалала она плечами и скрылась в доме, оставив его стоять на крыльце в компании ошалевших охранников.

В семь вечера Артур ждал её в гостиной.

Он сменил костюм на тёмно-синий Brioni, побрился и даже плеснул на запястья новый парфюм — сам не понимая, зачем. Обычно перед выходами со спутницами он не нервничал. Но сейчас в груди поселилось странное, забытое чувство. Любопытство? Нетерпение?

Лестница скрипнула.

Он поднял голову и перестал дышать.

Анжела спускалась медленно, придерживаясь за перила. На ней было платье цвета тёмного изумруда — простое, облегающее, с глубоким вырезом на спине, открывающим ровную линию позвоночника. Волосы, обычно собранные в небрежный пучок, теперь лежали мягкими волнами, падая на одно плечо. На шее — тонкая цепочка с крошечным бриллиантом. Губы тронуты помадой оттенка «пыльная роза».

Она была... ослепительна. Не вульгарно, не крикливо. А так, что хотелось смотреть и не отводить глаз.

— Ну как? — спросила она, останавливаясь на последней ступеньке. Голос прозвучал неуверенно, будто она сама не до конца верила в своё отражение.

Артур шагнул к ней. Взял за руку, помогая спуститься. Его пальцы задержались на её запястье на секунду дольше, чем требовали приличия.

— Ты выглядишь... — он запнулся, подбирая слово. — Убедительно.

— Всего лишь убедительно? — уголок её губ дрогнул.

— Очень убедительно, — поправился он, и в его голосе проскользнула хрипотца.

Она отняла руку и прошла к выходу, даже не обернувшись.

— Поехали, жених. У нас ужин.

Артур посмотрел ей вслед — на прямую спину, на плавное покачивание бёдер, обтянутых изумрудным шёлком, — и понял, что этот фиктивный брак может стать самой опасной сделкой в его жизни.

«Турандот» сиял золотом и хрусталём. Один из самых пафосных ресторанов Москвы, где ужинали олигархи, чиновники и те, кто хотел, чтобы их видели. Артур выбрал это место намеренно: здесь всегда дежурили папарацци.

Их столик стоял в центре зала — идеальная мишень для объективов. Анжела села, расправила салфетку на коленях и

огляделась с видом человека, который впервые попал в музей.

— Расслабься, — шепнул Артур, наклоняясь к ней. — Мы должны выглядеть влюблёнными.

— Я расслаблена, — ответила она, но пальцы, сжимавшие ножку бокала, побелели.

Он накрыл её ладонь своей. Она вздрогнула, но не отдернула руку.

— Просто доверься мне, — сказал он тихо, глядя ей в глаза. — Я знаю, что делаю.

— Это меня и пугает, — прошептала она в ответ, но улыбнулась.

Это была их первая «игра». И Анжела играла блестяще.

Она смеялась над его шутками — громко, заливисто, так что люди за соседними столиками оборачивались. Артур поморщился и наклонился к ней:

— Можно потише?

— Нельзя, — прошептала она, продолжая сиять улыбкой. — Если я буду смеяться тихо, никто не поверит, что мне весело. Влюблённые женщины смеются громко. Это научный факт.

— Откуда ты знаешь научные факты о влюблённых женщинах?

— Я читала статьи. Готовилась.

Он хмыкнул, но спорить не стал.

Когда принесли десерт — воздушное тирамису в хру-

стальной креманке, — Анжела вдруг подалась вперёд и сказала:

— Покорми меня.

Артур замер с ложкой в руке.

— Что?

— Покорми меня с ложечки. Влюблённые так делают. Это романтично.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Пункт 3.9 договора: «Стороны обязуются демонстрировать поведение, характерное для романтических отношений».

Она смотрела на него невинными глазами, но в глубине глаз плясали чёртики.

Артур вздохнул, зачерпнул ложкой десерт и поднёс к её губам. Анжела приоткрыла рот, и он медленно, осторожно вложил ложку. Её губы сомкнулись вокруг серебра, ресницы дрогнули. Она смотрела ему прямо в глаза, и в этом взгляде было что-то такое, от чего у него пересохло в горле.

Она медленно облизала ложку, прежде чем отпустить. Кончик языка мелькнул на мгновение — розовый, влажный.

Артур почувствовал, как по позвоночнику пробежал электрический разряд. Это была игра. Всего лишь игра на публику. Но его тело реагировало так, будто это была самая интимная вещь, которую он когда-либо делал.

— Вкусно, — прошептала Анжела, облизывая губы.

— Я заметил, — ответил он хрипло.

Где-то сбоку щёлкнул затвор камеры. Папарацци сделали своё дело.

На следующее утро Артур сидел за завтраком, просматривая свежую прессу. Анжела спустилась позже — в домашней рубашке, которая доставала ей до середины бедра, с мокрыми после душа волосами. Он заставил себя не смотреть на её голые ноги.

— Твоя фотография в газете, — сказал он, протягивая ей разворот «Московского комсомольца».

Анжела взяла газету. На снимке они сидели в «Турандот»: он кормит её с ложки, она смотрит на него с выражением, которое можно было принять за обожание. Заголовок гласил: «НЕУЖЕЛИ ТА САМАЯ? ГЛАВНЫЙ ХОЛОСТЯК СТОЛИЦЫ ПОПАЛСЯ В СЕТИ ТАИНСТВЕННОЙ БЛОНДИНКИ».

Она изучала фото целую минуту. Потом подняла глаза, и в них горел искренний восторг.

— Я тут красивая, — сказала она.

Артур поперхнулся кофе.

— Что?

— Ну, посмотрите, — она ткнула пальцем в газету. — Ракурс удачный, свет лёг хорошо, подбородок не двоится. И платье сидит идеально. Я на этой фотографии красивая.

Он смотрел на неё, не веря своим ушам. Все женщины, которых он знал, ненавидели свои фотографии в прессе. Они находили недостатки там, где их не было, требовали ретуши,

плакали из-за «лишнего сантиметра» на талии. А эта стояла перед ним, босая, в одной рубашке, и искренне радовалась тому, что «подбородок не двоится».

— Ты уникальная женщина, Анжела, — произнёс он медленно.

— Я знаю, — ответила она, откладывая газету. — Что у нас сегодня по плану? Пункт 4.5: «Посещение ювелирного салона для выбора обручальных колец»?

Она смотрела на него с вызовом и улыбкой. И впервые за долгие годы Артур Багиров подумал, что, возможно, проигрывает эту игру.

Но проигрыш ещё никогда не казался таким... волнующим.

Она потянулась за чашкой, и рубашка задралась выше, открывая край кружевных трусиков. Артур отвёл взгляд. Медленно. Слишком медленно.

Анжела сделала вид, что не заметила. Но уголки её губ дрогнули в улыбке, которую она спрятала за чашкой.

Игра продолжалась. И ставки росли с каждой секундой.

Глава 3. Размер имеет значение

— Какое кольцо ты хочешь?

Вопрос прозвучал буднично, словно он спрашивал, какую воду она предпочитает — с газом или без. Артур сидел напротив Анжелы за завтраком, просматривая что-то в телефоне, и даже не поднял глаз.

Анжела замерла с тостом в руке. Масло капнуло на тарелку.

— Кольцо?

— Обручальное. Для помолвки. Я иду выбирать.

Она откусила тост, прожевала, потянулась за чаем. Молчание затягивалось. Артур наконец поднял взгляд.

— Ну?

— Мне всё равно, — пожалала она плечами. — Но лучше побольше.

— Побольше?

— Ну да. Чем больше бриллиант, тем искреннее чувства. Это всем известно. Если камень скромный — значит, экономит. А если с кулак — значит, любит без памяти.

Она сказала это с таким серьёзным лицом, что Артур не сразу понял, шутит она или нет.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Психология потребителя. Я читала.

— Где ты читаешь такую ерунду?

— В интернете. Там всё пишут.

Он покачал головой, но уголки губ дёрнулись. Кажется, он научился различать, когда Анжела дурачится, а когда нет. Сейчас она дурачилась, но в её глазах мелькало что-то ещё — любопытство, смешанное с азартом.

— Значит, с кулак, — резюмировал он, возвращаясь к телефону.

— Желательно с два, — добавила она и спокойно отпила чай.

Ювелирный бутик Harry Winston на Кутузовском сиял витринами, как пещера Али-Бабы. Артур вошёл без предупреждения, и менеджер — холёный мужчина в идеально сидящем костюме — мгновенно материализовался рядом, источая подобострастие.

— Господин Багиров! Какая честь! Чем могу помочь?

— Обручальное кольцо. Самое крупное, что у вас есть.

Менеджер захлопал глазами, но быстро взял себя в руки.

— Разумеется. Пройдёмте в VIP-зал.

Через пятнадцать минут перед Артуром на чёрном бархате лежали пять колец. Каждое сияло так, что можно было ослепнуть.

Менеджер что-то щебетал про караты, про чистоту, про «инвестиционную привлекательность». Артур не слушал. Он смотрел на кольцо, одиноко лежавшее на чёрном бархате, и мир вокруг сузился до этой сверкающей точки.

Шесть и пятнадцать сотых карата. Цифры ничего не зна-

чили, пока он не увидел сам камень. Бриллиант огранки октагон. Восемь граней, ловящих свет и разбивающих его на тысячи острых осколков. Центральный бриллиант сиял так, будто внутри него горел собственный источник света — холодный, белый, неприступный. Он не был похож на те сладкие сердечки, которыми обычно задаривают женщин. Нет. Этот камень был опасным. Таким же опасным, как она.

По бокам, словно два стража, замерли бриллианты поменьше — трапециевидные, хищно вытянутые. Весом чуть больше половины карата на двоих, но в их огранке было что-то архитектурное, строгое. Они не просто дополняли центральный камень — они его защищали. Сжимали с двух сторон, как он сам хотел бы сжимать её — крепко, властно, но с невыносимой нежностью.

Белое золото оправы казалось почти невидимым. Оно не привлекало внимания — оно лишь держало эту смертоносную красоту, позволяя бриллиантам говорить самим за себя. Артур провёл пальцем по стеклу витрины, почти физически ощущая прохладу металла и острые грани камней.

— Это самое большое, — сообщил менеджер, проследив взгляд Артура. — Шесть и две десятых карата.

Он представил, как это кольцо будет смотреться на её тонком пальце. Как свет будет играть на гранях, когда она, споря с ним, начнёт яростно жестикулировать. И он вдруг понял, что хочет видеть именно это кольцо на её пальце — как знак, как клеймо, как доказательство того, что он способен дать

ей всё.

— Беру.

— Превосходный выбор! Позвольте предложить также парное обручальное кольцо для церемонии?

— Давайте.

Он выбрал тонкий платиновый ободок с россыпью мелких бриллиантов. А потом его взгляд упал на соседнюю витрину. Там лежал браслет — изящная цепочка из белого золота с крошечными сапфирами, рассыпанными, как звёздная пыль.

— Это тоже заверните.

— Браслет? — менеджер удивился, но спорить не стал. — Отличный выбор. Подарок невесте?

— Просто так, — ответил Артур, расписываясь на чеке с семизначной суммой.

Он сам не знал, зачем купил этот браслет. Просто представил, как сапфиры будут переливаться на её запястье, когда она жестикулирует, рассказывая очередную нелепую историю. И понял, что хочет это увидеть.

Большой театр. «Травиата».

Анжела сидела в ложе, подавшись вперёд, и не отрывала глаз от сцены. На ней было тёмно-синее бархатное платье с открытыми плечами и скромным декольте — элегантное, но не вызывающее. Артур сидел рядом, положив руку на спинку её стула, и смотрел не столько на сцену, сколько на неё.

Он не любил оперу. Слишком много пафоса, слишком много фальшивых эмоций. Но наблюдать за Анжелой оказа-

лось увлекательнее любого спектакля.

Когда Виолетта запела свою предсмертную арию, Анжела всхлипнула. Артур скосил глаза — по её щеке катилась слеза, оставляя чёрную дорожку туши.

— Ты плачешь? — прошептал он.

— Заткнитесь, — прошептала она в ответ, не отрываясь от сцены. — Она умирает. От чахотки. Это трагично.

— Это опера. Все умирают от чахотки или от кинжала. Это условность.

— Вы бессердечное чудовище.

Слёзы текли уже по обоим щекам, размывая тушь, делая её похожей на панду. Артур смотрел на неё и чувствовал, как внутри что-то переворачивается. Она плакала по-настоящему. Не для камер, не для публики. Она действительно переживала за какую-то вымышленную куртизанку, умершую полтора века назад.

Он достал платок — белоснежный, с монограммой — и, не думая, осторожно промокнул её щёки. Анжела замерла, на секунду оторвавшись от сцены, и посмотрела на него. В её покрасневших глазах плескалось удивление.

— У вас тушь потекла, — сказал он тихо.

— Спасибо, — прошептала она.

В этот момент снаружи ложи щёлкнул затвор камеры. Папарацци дежурили у театра постоянно, и кто-то из них сумел пробраться на балкон. Анжела, не поворачивая головы, одними губами произнесла:

— Накиньте на меня пиджак.

Артур, не задавая вопросов, снял пиджак и набросил ей на плечи. Она поёжилась, кутаясь в тёплую ткань, пахнущую его парфюмом, и благодарно прижалась к нему плечом. Щелчки камер посыпались градом.

— Отличный кадр, — прошептала она, уткнувшись носом в лацкан. — «Холодный адвокат согревает невесту». Завтра будет на всех обложках.

— Ты думаешь о пиаре даже когда плачешь?

— Я думаю о пиаре всегда. Пункт 3.2 договора.

Он хмыкнул и приобнял её за плечи, притягивая ближе. Она не сопротивлялась.

После театра они поехали в ресторан White Rabbit — тот самый, с панорамным видом на Москву. Здесь не было папарацци: заведение славилось строгим фейс-контролем и уважением к приватности гостей. Можно было расслабиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.